

ПОССЕВ

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn, Verlag
„Possev“. Bankkonto: Limburger Bank V 14. Post-
scheckkonto: Frankfurt/M 33.461. Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ, и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ, 1/32—
13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ, 1/2—
180 НМ, 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 ИЮНЯ 1949 ГОДА

№ 23 (158)

К ПУШКИНСКОМУ ДНЮ

Русскими людьми, скитающимися вне Родины, современниками тягчайших лет ее истории, создан обычай: день рождения Пушкина отмечать, как День Русской Культуры.

Нужен ли он?

Ведь, в то время, как у нас, на родных просторах

— «Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник»,

за границей, всюду, где только звучит изредка, в чужой толпе, русская речь, в этот день русские люди собираются, подсчитывают духовные достижения своего народа, и, как лейт-мотив, врывается в эти подсчеты песенка Мэри:

— «Было время, процветала

В мире наша сторона,
В воскресенье бывала
Церковь Божия полна...»

А с востока доносится дуновение чумы.

Оправдание Дня Русской Культуры не в том, что он — память о Пушкине (ибо «к нему не зарастет народная тропа», и не стереть ее никакими испытаниями), а в том, что он — напоминание нам самим об ответственности за судьбы России, судьбы Русской Культуры, судьбы народа, давшего Пушкина.

Этот день для нас — как бы голос священника-обличителя из «Пира во время чумы», всякая другая роль Пушкинского дня превратила бы его в торжественное празднество, недостойное ни Родины, ни поэта.

Самое характерное из преступлений нашей эпохи: убийство Человека в человеке. И душа человека, и сама его жизнь выводятся из его партийно-политической принадлежности, философских убеждений, национального происхождения. Вечное изгнано

и заменено относительным. Убийство физическое перестает быть ужасом: ему предшествует убийство духовное. И нет, потому, и недостатка в палачах и их подручных.

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые в нем
лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век
восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

Это девятнадцатый-то век — «жестокий век»! Да родился Пушкин на столетие позже, он не дождал бы и до дней «ежовщины»! Вспыльчивый и откровенный, горячий и благородный, он бы был сражен чекистской пулей еще в эпоху «военного коммунизма»!

Это он писал Чаадаеву (цитируем по памяти):

«Клянусь честью, ни за что не хотел бы переменить Отечество, ни иметь другой истории моих предков, как ту, которую мне Бог послал». И это он, на прямо поставленный вопрос государя Николая Павловича, где бы он находился, случись ему 14 декабря 1825 г. быть в Петербурге, прямо и не колеблясь ответил: с друзьями, на Сенатской площади.

Пушкин, певец Империи и Свободы, Пушкин, консерватор и либерал одновременно... Как недостает нам всем его ясно-го духа!

Пушкин — не столько начало XIX-го века в нашей духовной жизни, сколько завершение XVIII. Не он — гармонический, цельный, «крестный отец» Достоевского, Тютчева и Блока, Мусоргского, Чайковского и Скрябина. От недобрых прозрений гениального мальчика Лермонтова, от гоголевского «скучно на этом свете, господа!», тянется преемствен-

